

МНОГИЕ, видимо, читали замечательную книгу писателя Василия Субботина «Как кончаются войны». События последних месяцев войны, бои за рейхстаг — все это дано в ней на строго документальной основе — автор был в то время корреспондентом дивизионной газеты. Есть в книге такая фраза: «...в одном и том же минометном расчете служили два брата — Евлампий Шпук и Николай Шпук из деревни Ильинка Омской области...». Мне захотелось разыскать этих людей. Но как

лай Герасимович Шпук работает в колхозе «Путь к коммунизму» в качестве моториста электростанции, выполняет общественные поручения, является членом правления, награжден орденом Трудового Красного Знамени, Евлампий Герасимович работает заведующим сливкоотделением. Они много рассказывали о войне. С книгой В. Субботина они знакомы и знают многих ее героев».

— Я уже на поправку шел, — рассказывает он, — ходил, санитарам помогал. Раз иду по двору, слышу, кто-то окликает сзади: «Евлан!». Так меня по-простому в деревне звали. Я думаю — не меня. В госпитале от своего имени отвык. Все Славкой звали, потому как у меня одного орден Славы был. А сзади опять: «Евлан! Евлан!» Оглянулся, гляжу — Колька...

сле капитуляции гнали по мосту пленных немцев. Огромная колонна — несколько тысяч. А наших конвойных двое или трое — на конях. Немцы идут грязные, усталые, в землю смотрят, а берлинцы плюются в их сторону... Евлампий Герасимович замолчал.

А НА ДРУГОЙ день мы уже ехали в Валуевку.

Николай Герасимович ободался нам, как радуется любой попавший в больницу человек, когда его приходят навестить. Радикулит понемногу отпускает. Врачи усиленно лечат: колуют, греют кварцем.

В больнице нам отвели отдельную комнату для беседы, принесли Николаю Герасимовичу его одежду, чтоб не фотографироваться в больничном. Понемногу он разговорился:

— В партию я вступил под Старой Руссой. Подал заявление: после одного боя стал кандидатом, после другого — уже коммунистом.

А потом вот встретились... В госпитале...

Раз, уже в Берлине, батарею, где воевали братья, накрыло сильным огнем. Снаряды ложились на редкость точно, один даже попал прямо в минометную плиту. Выяснилось, что с четвертого этажа соседнего дома кто-то корректирует огонь. В дом пошел Евлампий. Взял в плен корректировщика.

В Берлине последняя позиция их батареи находилась метрах в четырехстах от рейхстага. Только самого здания не было видно, его загоразивало какое-то другое, более высокое. Сам рейхстаг увидели уже после капитуляции: ничего особенного — дом как дом, разрушен сильно. Николай долго искал тогда на стенах свободное место — все уже было исписано, нашел и часа полтора выскабливал на твердом камне свою фамилию.

Потом много ходили по городу, хотя это было и опасно, — уж очень было любопытно: что это за столица, с которой четыре года воевать пришлось, что за люди в ней живут. Оказалось, город как город, развалины — они везде друг на друга похожи. А люди — что люди! — голодные, забытые...

Потом братья демобилизовались, приехали в свою Ильинку. Работы в колхозе было тогда хоть отбавляй...

С тех пор и продолжают Евлампий Герасимович и Николай Герасимович трудиться в родной деревне. Пользуются у односельчан уважением. В 1956 году младший, Николай, за отличную проведенную уборку получил высокую правительственную награду — орден Трудового Красного Знамени.

В ОТ И ВСЕ о двух встречах, на которые нас натолкнуло несколько строк из известной книги — книги о войне.

А. ЛЕЙФЕР.

ДВОЕ ИЗ КНИГИ

ОЧЕРК

Пришло письмо и от самих братьев: приезжайте, писали они.

П ОВОРОТ на Ильинку — на 116 километре трассы Омск — Тюкалинск.

Деревня невелика — дворов сорок, не больше. Просто тянется одна улица вдоль дороги. Дом Евлампия Герасимовича стоит в центре. Было обеденное время, и мы застали его дома. Поздоровались, жена хозяйина — Мария Максимовна захлопотала по дому. Стали разговаривать и... сразу же узнали, что наш приезд не совсем удачен: младшего — Николая Герасимовича в деревне нет. Разыгрался радикулит, пришлось лечь в больницу. Это в Валуевке — 25 километров от Тюкалинска.

Евлампий Герасимовичу — пятьдесят пять. Внуки уже есть. Голова поседела, лицо в глубоких морщинах. Увидел «Как кончаются войны» с портретом автора на обложке — заулыбался:

— Ну, как же, помню Васю Субботина — молоденький такой был. Приходил к нам, вначале всю батарею сфотографировал, а потом нас с Николаем отдельно и еще братьев Рубленко. В дивизионке было напечатано. И второй раз приходил, фотографии отдать. Я тогда еще ему сапоги трофейные подарил, хромовые. Он ходил в ботинках каких-то старых.

Как началась война, их с Николаем призвали порознь: вначале старшего, потом младшего. И попали, конечно, в разные части. Но воевали рядом — оба в районе Старой Руссы. (Кстати, два других брата тоже были на фронте. Самый старший — Сидор умер вскоре после войны от ран, а Василий живет сейчас в Красноярском крае). По тому, что письма доходили чуть ли не на другую день, было ясно: друг от друга рукой подать. Но встретиться не удалось. Встреча произошла много позже — в полевод госпитале. До этого переписка у них прервалась, и Евлампий считал брата погибшим.

После госпиталя они уже не разлучались. Вместе освобождали Белоруссию, Восточную Пруссию, Прибалтику, Варшаву. Младший был сержантом, командиром минометного расчета, а старший — рядовым в этом же

Н. Г. ШПУК.

расчете. Так и дошли до Берлина. Здесь минометчикам и вообще легкой артиллерии была самая работа. Людей берегли, старались издала — миной или снарядом — подавлять сопротивление отдельных групп противника. Тяжелую артиллерию по возможности не применяли — не хотелось сильно город разрушать, да и мирные жители от нее больше бы пострадали.

Евлампий Герасимович рассказывал нам о той далекой берлинской весне.

— Никогда не забуду: уже по-

Е. Г. ШПУК.

это сделать? Ильинка в нашей области несколько...

В течение нескольких месяцев все попытки разыскать братьев оказались тщетными до тех пор, пока наша газета не опубликовала маленькую заметку «Просим отозваться». Это было 25 января. И в тот же день в редакцию пришел приемный сын Евлампия Шпука — Виктор Дмитриевич Фадеев, экскаваторщик треста «Строймеханизация». От него я узнал, что оба брата живы, а Ильинка, в которой они живут и по сей день, находится в Тюкалинском районе.

А потом начали поступать письма, в которых знакомые и родственники братьев Шпук тоже сообщали их адрес.

Вот что написал Николай Андреевич Мажугин: «Конечно, о таких людях, как Николай и Евлампий, можно рассказать очень многое. Они очень хорошие люди — трудолюбивые, отзывчивые...». Вот строки из письма бухгалтера колхоза «Путь к коммунизму» (Ильинка входит в это хозяйство) т. Андрианова: «Нико-